

ПРОБЛЕМА МИФОТВОРЧЕСТВА В ГОРИЗОНТЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Цель статьи – выявление метафизических оснований и описание механизма мифотворчества индивидуального сознания путём сравнительного анализа комплекса философских стратегий исследования мифа; выявление специфики мифического текста как формы проявления мифосознания. Проблема мифосозидающей деятельности массового сознания в данной работе не рассматривается.

Ключевые слова: индивидуальное сознание; исследовательские стратегии; механизм мифотворчества; мифологема; мифический текст.

В философии сознания предпринимаются попытки разделить вопросы в отношении сознания на «трудные» и «лёгкие»: трудными являются вопросы о природе сознания, лёгкие касаются когнитивных функций сознания, которые, во-первых, поддаются описанию в терминах вычислительных или нейрофизиологических процессов, во-вторых, в отношении таких явлений имеются достаточно ясные представления, как их можно объяснить. Объяснение когнитивных способностей оказывается возможным, когда есть знание механизма, который может выполнять эти функции. Вопросы, касающиеся субъективного опыта, имеют статус трудных, поскольку требуют ответа на вопросы «как?» и «почему?»: Почему/как нейрофизиологические процессы мозга вызывают переживания и представлены в форме субъективной реальности? Именно поэтому сознание не тождественно когнитивным способностям, а является нечто большим. При этом описание когнитивных функций осуществляется научным языком, адекватного описания сознания языком науки нет. Основным средством описания сознания является обыденный язык с применением философских и научных метафор как моделей интерпретации сознания. Однако ни словарь описания когнитивных возможностей человека, ни опознавательные понятия обыденного языка не содержат объяснительного потенциала в отношении сознания.

В ситуации объяснительных разрывов исследование роли индивидуального сознания в мифотворчестве не преследует стратегической цели – объяснить природу сознания, не направлено оно и на выявление когнитивных возможностей сознания в состоянии мифотворчества.

Цель данного исследования – развитие идеи «реализовавшееся сознание мифично» через выявление и описание механизма мифотворчества, специфики мифического текста как структурного элемента и результата активной деятельности сознания в состоянии чувственной рефлексии.

Онтологическим основанием предпринятого исследования является положение: индивидуальный миф есть символическая форма субъективного сознательно-го опыта.

Исходные методологические установки:

- первичный миф является в индивидуальном сознании: «миф – это я, моя мысль, речь и поведение» [1. С. 17];

- существующие философские стратегии исследования проблемы мифического различны, но взаимосвязаны, а потому способны дополнять друг друга;

- комплексное исследование проблемы позволяет представить и описать механизм мифотворчества реа-

лизовавшегося индивидуального сознания с различных точек зрения.

История философии свидетельствует об устойчивом интересе к проблеме человеческого сознания и явлений мифического. Сложились различные стратегии в понимании сознания и мифа. Наиболее перспективными и результативными представляются исследования, в которых проблема мифа рассматривается в комплексе с проблемой сознания.

Впервые о мифичности сознания («сознание всех») косвенно заявляет Дж. Вико. Однако у него идея мифичности сознания имела некоторые ограничения: во-первых, утверждения о тотальности мифа относились исключительно к традиционным обществам, во-вторых, «сознание всех» противопоставлялось «сознанию единиц». «Единицами», сознание которых свободно от мифичности, по Вико, являются философы. Иначе говоря, рефлексизирующее сознание философа признавалось зоной, свободной от мифа [2]. Идею о том, что процесс мифотворчества является непрерывным и связан с сознанием, выражает В.Ф.Й. Шеллинг [3. С. 323].

Одним из представителей радикализации феноменологических установок в отношении сознания и мифа является Р. Барт, который, анализируя проблему мифа, приходит к заключению о тотальности и естественности мифотворчества для любого общества и любого времени. В понимании Барта всё, что человек наделяет личностным смыслом, становится мифом [4. С. 269].

Современная философия мифа, рассматривающая мифотворчество как качественную характеристику сознания, стала, по сути, составной частью философии сознания: наиболее перспективными признаёт именно те стратегии, которые ориентированы на проблему субъективного, поскольку они позволяют миф интерпретировать не столько как многомерный и многозначный феномен, сколько как индивидуальное сознание, результатом и перспективой которого является миф. При различных подходах к проблеме сознания – сознание в квантовой парадигме, синергетическая модель сознания, динамическая модель взаимодействия сознания и бессознательного, сознание как информационная система и др. – положение «индивидуальное сознание мифично» остаётся достаточно убедительным.

Развитие идеи «индивидуальное сознание мифично» возможно в рамках онтологического, гносеологического, аксиологического, феномено-герменевтического подходов. Однако комплексное исследование проблемы позволяет представить и описать механизм мифотворчества индивидуального (случившегося) сознания с различных точек зрения. Существующие фило-

софские стратегии исследования проблемы мифического различны, но взаимосвязаны, а потому способны дополнять друг друга, что и будет использовано в данном исследовании для решения задачи выявления и описания механизма мифотворчества.

Существует множество содержательных трактовок собственно понятия «миф» и производных от него понятий и терминов. В основе классических интерпретаций лежит представление о мифе как этапе в развитии человечества. Если в традиционной версии миф – это, прежде всего, текст о событии, имевшем значение для общества, то в неклассическом варианте миф рассматривается как необходимый этап в развитии человека. При этом «неклассический» феномен мифа связывается не столько с общественным, сколько с индивидуальным сознанием. В этой версии миф – сложный и многофункциональный феномен, природа и механизм которого настолько туманны, что среди его интерпретаций существуют варианты с точностью до «наоборот». В качестве примера можно сослаться на то, как понимал миф К.Г. Юнг (миф – голос бессознательного, услышанный и «обработанный» сознанием) и как трактовали миф авторы концепции символического сознания Мамардашвили и Пятигорский (миф – голос сознания в «обработке» бессознательного).

В силу философского плюрализма трактовок мифического и специфичности заявленной проблемы требуется предварительная содержательная конкретизация понятийно-терминологического аппарата данного исследования. Итак, «*миф*» – это, прежде всего, одна из собственно человеческих компетенций, связанная со способностью и потребностью человека переживать, наделять смыслами события, ситуации, явления; это объективный факт субъективной реальности. Термин «*мифическое*» обозначает и то, что имеет свойства и признаки мифа, и то, что содержит условия возникновения признаков мифа или самого мифа, и то, что обусловлено мифом. Когда мы говорим о мифическом сознании, мифологизирующем сознании, мифическом субъекте, мифическом объекте, мифической речи (тексте) и т.д., предполагается, что и сознание, и субъект, и объект, и текст имеют определённое, в указанном выше смысле, отношение к мифу. Термины «*мифологизация*» и «*мифотворчество*» процессуально тождественны. Однако функционирование термина «мифотворчество» следует оговорить следующим замечанием: он не является точным в том смысле, что миф (индивидуальный) не является результатом целенаправленной деятельности, но факт его возникновения лингвистически обозначить следует. Миф в данном контексте понимается как творческий результат чувственной рефлексии, как процесс объективации факта субъективной реальности, участниками которого являются как сознательные, так и бессознательные структуры человеческой психики. Под «*механизмом мифотворчества*» разумеются операциональные составляющие деятельности индивидуального сознания.

Можно предположить, что анализ ведущих исследовательских стратегий мифа позволяет не только определить диапазон содержательных трактовок мифического, но и выявить некоторые условия мифосозидающей деятельности сознания.

Каковы основополагающие идеи по проблеме онтологического статуса феномена «миф»? Во-первых, классической и общеметодологической в осмыслении мифа стала идея о том, что миф – это особый символический способ объективации содержания сознания. Во-вторых, идея о связи мифа с психическими процессами, при этом сознание не редуцируется к психике, но взаимодействует с ней. Язык сознания для психики – это язык символов, «первичным» толкователем которых она собственно и является. В онтологической стратегии важным представляется вывод о том, что человеческое сознание нуждается в собственном осмыслении: эта базовая потребность обуславливает онтологию феномена мифа (на бессознательном уровне) и его гносеологию (на уровне сознания). Иначе говоря, онтологический подход к мифу основан на идее – миф (индивидуальный) есть специфическая, онтологически неизбежная символическая форма субъективного бытия, субъективного сознательного опыта. И выбор в осмыслении ситуации, и вывод символического сознания причинно не обусловлены, что вносит в понимание ситуации (мифического объекта) неопределённость и многозначность.

В основании гносеологического подхода к мифу лежит признание мифа в качестве формы отражения бытия. Основной пафос собственно гносеологической идеи состоит в противопоставлении мифа истине. В этом аспекте миф предстаёт как результат ошибки, обусловленной, прежде всего, субъективными представлениями о мире и неотрефлексированностью мысли создателя и носителя мифа. Неосознаваемая недостоверность, недостаточная обоснованность являются признаками мифа в гносеологическом смысле. Такая упрощённая трактовка мифа, с одной стороны, затрудняет процедуру демаркации мифического от немифического, а с другой стороны (и в этом состоит позитив данного подхода), усматривая истоки мифа в пространстве сознательно-бессознательного, направляет исследовательскую мысль в зону динамического взаимодействия сознания и бессознательного. Продуктивность данного подхода видится ещё и в том, что в результате критической рефлексии по поводу наших знаний-представлений о сознании мы приходим к пониманию – наши представления о сознании мифоподобны (в силу их недостаточной обоснованности и достоверности).

В аксиологической стратегии индивидуальный миф предстаёт как образ действительности, совпадающий с ценностными пристрастиями его носителя. Здесь миф также признаётся в качестве ошибки, но уже с точки зрения определения ценностного статуса воспринимаемого события или явления: миф – «это ошибка не в установлении факта, а в определении ценности» [5. С. 57].

Операция объективации смысла и значимости событий и явлений субъективного опыта – важнейший элемент механизма мифотворчества. Эта интенционально двойственная процедура приводит в некое относительное согласие субъективный опыт и объективную реальность. Индивидуальный миф в этом смысле есть продукт такого согласования, и продукт этот в сущности объективно-субъективен.

Имплицитно и гносеологическая, и аксиологическая стратегии содержат указание на механизм возникнове-

ния мифа, однако процедура обнаружения и разрушения мифа представляется здесь яснее. Так, чтобы обнаружить и разрушить миф (в гносеологическом смысле), следует доказать неадекватность содержащейся в нём информации о действительности. Миф в аксиологическом понимании опровергается посредством переоценки факта. Функционально переоценка ситуации приводит к замене одного мифа другим, т.е. является одновременно и мифоразрушительной, и мифосозидательной процедурой. Однако роль разоблачителя оценочных ошибок (её исполнитель – внешний наблюдатель, интерпретатор) сомнительна, в том смысле, что исполнитель её оценочно пристрастен. Личностный миф нельзя разрушить извне, его можно признать как факт сознания другого, а признав, – толковать, интерпретировать. Автор мифа и его носитель в процессе жизни, переосмысливая, переоценивая значимое, обновляет свой субъективный опыт, свой мифологический багаж. Необходимым условием корректной и адекватной интерпретации персонального мифа является взаимодействие (чаще опосредованное) носителя мифа и его интерпретатора в пересекающемся, согласованном пространстве смыслов и ценностей. Иначе говоря, смысл, ценности не могут быть индивидуальными, но они могут быть личностно значимыми; в субъективном опыте они являются именно в таком статусе.

Индивидуальное сознание существует в контексте оценочных и межличностных влияний. Персональный миф соединяет в себе «единичное» (личностное, концептуальное) и «общее» (социально обусловленное, контекстуальное) знание. Интерпретация мифа строится на базе общего знания, цель толкования мифа – понимание единичного.

Сознание (конкретное) не существует само по себе, оно является феноменом взаимодействия. Для актуализации индивидуального сознания необходим диалог (внутренний или внешний); нужно взаимодействие субъекта с «внешним» объектом как реакция на некое событие, ситуацию, явление. Сознание взаимодействует с другими элементами психической системы: психика – это внутренний проводник, толкователь сознательных актов субъекта. Структура системы отношений «сознание – психика – внешняя реальность» является сама по себе специфической системой мифологизации: метафизические основания мифического и немифического творчества одни и те же; различна активность «участников» такого процесса: мышления, воображения, эмоциональных переживаний и др. Естественный (природный) механизм сознания есть механизм мифотворчества. Сознание, свободное от мифа, – объект абстрактный, «ничей», а человек, декларирующий свою свободу от мифической напасти, более далёк от истины, чем тот, который признаёт: «грешен», потому что субъективен в своих оценках. При определённых трактовках сознания постановка вопроса о механизме мифологизации как механизме, отличном от механизма сознания, является некорректной. Однако в теоретическом смысле вопрос о механизме сознания принципиально важен, поскольку направлен на объяснение боя, который происходит с сознанием, когда оно себя обнаруживает. Сознание не таково, каким себя представляет, и мир не таков, каким мы его себе представляем.

Основной формой существования мифического является текст (внутренний, внешний). В наиболее общем, нейтральном к мифу смысле, текст – это осмысленная знаково-символическая система, способная хранить и передавать информацию. Но прежде чем ответить на вопрос, как отличить мифический текст от немифического, остановимся на анализе структуры текста.

Прежде всего, любой текст имеет своего творца – это субъект текста. Объектом текста является «нечто» как концептуальный образ – это может быть событие, явление, вещь, факт. Поскольку подобную структуру имеет всякое текстовое сообщение, возникают вопросы: чего нет в обычном тексте и что есть в мифическом? Когда текст становится мифическим? На эти вопросы можно ответить следующим образом: текст становится мифическим, когда автор его в отношении «нечто» заявляет о себе – о своих переживаниях, ценностях, идеалах и т.д. (Вот и лето прошло, словно и не бывало.) Цель мифического текста – сообщить о нечто «нечто большее». Именно в структуре «нечто большее» автор проявляется в тексте произвольно, бессознательно.

В структуре мифического текста есть отношение, что и делает это нечто «нечто большим» – символом, утверждающим бытие индивида. Именно личностные переживания, выраженные явно или неявно, делают текст мифическим. Символы – язык активного сознания: любое событие может превратиться в символ, если посредством его раскрываются значимые для человека смыслы. Авторский (первичный) миф содержит непосредственные переживания. Интерпретатору первичного мифа доступно лишь воспроизведение контекста мифических переживаний его автора.

Источником персонального мифотворчества является переживание «по поводу», вызванное собственно человеческой потребностью установления смысловой связи между собой и миром явлений, событий, фактов. Искусственный интеллект не способен к мифотворчеству, поскольку не способен к переживаниям.

Наиболее сложным представляется механизм мифотворчества в феноменологической версии, согласно которой через призму личностного отношения к окружающей действительности человек творит мир. Мир как феномен есть всё, что значимо, всё, что осмысленно; это индивидуальная система смыслов. Источник мифотворчества в феноменологическом смысле заключён в преходящем характере содержательного наполнения сознания, а пусковым механизмом мифологизации являются естественные установки сознания (мифологемы).

Проблему мифотворчества индивидуального сознания можно объяснить в рамках исследовательской стратегии Мамардашвили – Пятигорского [6]. Сознание, понимаемое как нечто, способное выполнять функцию синтеза психических процессов, мифологизирует, потому что:

- не имеет собственного голоса;
- его первичные акты (символы) воспринимает и интерпретирует психическая система (и другого посредника у индивидуального сознания нет).

В данной версии индивидуальное сознание потенциально мифично: способно творить миф (и творит

его) в различных сферах и на разных уровнях сознательного опыта.

Феноменология личностного мифа состоит в том, чтобы за явлением (феноменом) увидеть, почувствовать его сущность (личностный ноумен). Способность чувствовать то, что мыслится, возникает при взаимодействии факта и чувства. Различают чувствующее и чувственное мышление [7]. В чувственном мышлении приоритет принадлежит субъективным смыслам, объект (концептуальный образ) переживаний играет вторичную по значимости роль. Чувственное мышление (чувственная рефлексия) как творческий процесс принадлежит создателю и носителю мифа.

В чувствующем мышлении приоритет принадлежит сознанию. Оно обладает преимуществом перед рациональным мышлением по скорости: способно мгновенно распознать «нечто», эмоционально откликнуться, понять и это «нечто», и «нечто большее». Такое мышление необходимо исследователю, интерпретатору мифа. В структуре индивидуального сознания функционально присутствует и рациональное, и чувственное, и чувствующее типы мышления.

В отношении индивидуального сознания говорить о мифотворческой активности в буквальном смысле не совсем корректно в том смысле, что человек находится в состоянии мифотворчества всегда: его нахождение в мире, его отношение к миру и есть переживание мира вещей и явлений как личностно значимых смыслов.

Если говорить об уровнях сознательного опыта, на которых возможно мифотворчество, то следует признать – это возможно на всех уровнях. На уровне чувствования – сознание в состоянии непосредственности (или наивности) придаёт своему предмету значимость и смысл; на уровне воспоминаний – сознание конституирует образы, мысли и переживания как бывшие ранее; на уровне воображения – в состоянии творческого функционирования сознание конституирует образы, переживания и смыслы как вновь созданные.

Сознание мифологизирует на уровне повседневного, сущностного, ценностного, мистического опытов. Повседневный опыт – это сфера формирования естественных установок и мифологем сознания: мифологемы индивидуального сознания – его базисные истины. Сущностный опыт – сфера мифологизирования индивидуального сознания на уровне рационального мышления, на базе повседневного опыта и его мифологем. Ценностный опыт индивидуального сознания состоит в поисках ответа на вопрос «для чего?» по поводу вещей, что существуют не «сами по себе», но имеют к нему отношение. В духовном (или мистическом) опыте результатом переживания индивидом Абсолютного, когда душа «в экстазе», является абсолютно мифическое. Меняются объекты мифологизации, различны по глубине переживания и смыслы, различны мифы, общим является активность сознания по отношению к действительности – главному объекту мифотворчества.

Вопрос о логике мифотворчества относится к ряду раздражающих метафор. В самом деле: можно ли говорить о логике в отношении процесса осознания человеком себя и мира через ощущения, выраженные в смыслах, оценках, переживаниях? Однако ряд соображений на этот счёт хотелось бы высказать. Основанием

для постановки данного вопроса служат аксиоматические положения: мифическое проявляется в сознании (сознательном опыте) и сознание связано с логикой и действительностью. Следовательно, сознание участвует каким-то образом в мифотворческом процессе и присутствует в мифическом тексте. Предположение, что в таком процессе могут быть обнаружены некоторые устойчивые формальные (рациональные) структуры, некий алгоритм, отражается выражением «логика мифотворчества».

Рациональность мифического – рациональность особого рода, но прежде всего – это некая система принципов, на основе которой сознание индивида осваивает жизненный мир. Жизненный мир как открытая неупорядоченная система и есть объект мифологизации. Главная цель мифотворчества в отношении жизненного мира – его упорядочивание посредством переживания, осмысления и оценивания. Динамическая неустойчивость на просторах жизненного мира обуславливает проблему его упорядочивания в режиме тотальной актуальности. Трансформации в системе смысловых и ценностных акцентов задают условность и непредсказуемость сюжетных линий жизненного мира. Основной механизм мифотворческой деятельности – чувственная рефлексия, осмысление через ощущения.

Учитывая характер мифосозидающей деятельности индивидуального сознания, допускаем, что логика мифотворчества специфическая, оригинальная. Прежде всего, следует отметить, что «участниками» процесса мифосозидания являются бессознательные и сознательные структуры (здесь возникает вопрос о «коэффициенте» участия сознания), чувственное мышление и повседневный язык. Процесс мифотворчества детерминирован личным опытом, социокультурными трансформациями (в том числе и в сфере повседневного языка); герменевтическими составляющими (как контекстуальной, так и ситуационной), которые не поддаются формализации. При этом мифический текст как структура вмещает в себя не только индивидуальные (приватные), но и коллективные проекции.

Внутри конкретного мифического текста нет логического хаоса, но с точки зрения логического значения он бессодержателен. Когнитивная содержательность появляется в интерпретациях мифа. Логические ошибки и лингвистические неадекватности, которые он разрешает (в смысле – допускает), служат в определённом смысле способом решения проблем, связанных, в числе прочих, и с эпистемологической неуверенностью в отношениях с миром. Наделение личностными оценками и смыслами ситуаций жизненного мира осуществляется средствами естественного языка, использование которых зависит от состояния, намерения автора текста, от способа употребления слов. Основной логический удар «наносит» метафора, посредством которой автор заявляет о своей позиции. Внутри мифического текста складывается противоречивая ситуация: смысл есть, а полноты нет: «Жизнь была прекрасна, и жизнь была напрасна». Логического противоречия здесь нет: жизнь прекрасна сама по себе (как дар, как возможность), но по своим результатам она оказалась напрасной. Однако автор мифического текста не обосновывает свои выводы: для него всё очевидно. Он нарушает не только закон достаточного основания, но игнорирует и другие формальные законы, потому что

цель у автора-мифотворца – выразить в тексте себя, свои ценности, свои идеалы. В «протокольных» предложениях есть логика, но автора в них нет. Однако именно текст, несущий в себе характеристики мифического, вызывает интерес и различные исследовательские порывы.

Механизм мифотворчества как структура представляет собой систему взаимосвязанных элементов. Самым скрытым и глубоким элементом является бессознательное (вопрос о его роли в мифотворчестве в данном исследовании не рассматривался, но как структурный инвариант он признаётся).

Укажем устойчивые формальные структуры мифотворческого процесса индивидуального сознания:

- субъект – индивидуальное сознание как носитель творческой деятельности;
- объект – события, явления жизненного мира;
- стороны процесса – творец мифа со своей системой ценностей (как единичное) и потребитель мифа (как общее);
- сущность мифотворчества – структурирование жизненного мира, диалог единичного и общего;
- цель – осознание себя и мира, корректировка в системе отношений жизненного мира;
- источники – личностные переживания по поводу «нечто», преходящий характер содержательного наполнения сознания;
- пусковой механизм мифотворчества – естественные установки индивидуального сознания (мифологе-

мы), потребность установления смысловой связи между собой и миром;

– условия – взаимодействие факта и чувства, личностные переживания;

– средства – чувственная рефлексия, система личностно значимых смыслов и ценностей и знаково-символические ресурсы естественного языка;

– результат – авторский мифический текст (первичный миф) и его интерпретации.

Индивидуальный миф соединяет в себе единичное (личностное, концептуальное) и общее (социально обусловленное, контекстуальное). Цель интерпретации – понимание единичного на базе общего знания.

Смыслы и ценности могут быть личностными, но не индивидуальными, при этом они всегда контекстуальны. Именно это и обуславливает тот факт, что мифотворческий процесс имплицитно включает в себя некую реакцию, ответное действие в той или иной форме (иначе, чем объяснить потребность заявлять о себе?). В роли потребителя, критика, интерпретатора первичного мифического текста выступает окружение – социум, контекст. Роль контекста обнаруживается только на этапе интерпретации – его восстановление позволяет понять замысел творца и степень его переживания. При невозможности воссоздания адекватного контекста интерпретатор не раскрывает авторский замысел, а придает, приписывает первичному тексту смысл, нагруженный собственными пристрастиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пятигорский А.М.* Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. М.: Языки русской культуры, 1996.
2. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе нации. Москва; Киев: REFL-book, 1994.
3. *Шеллинг В.Ф.И.* Введение в философию мифологии // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 159–374.
4. *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
5. *Смазнова О.Ф.* Личность и миф (о субъекте мифической речи) // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 56–65.
6. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. М.: Языки русской культуры, 1999.
7. *Герасимова И.А.* Динамический подход к проблеме сознания // Философия сознания: классика и современность: Вторые Грязновские чтения. М.: Издатель Савин С.А. С. 213–219.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 29 марта 2010 г.